

СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ФОРМЫ В ПОЗИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИЧАСТИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО СТАТУСА

Аннотация.

Актуальность и цели. Субстантивированные причастия порождают дискуссии, связанные с их грамматическим статусом и семантической структурой. Целью работы является выявление специфики категориального значения числа и реализации семантических компонентов полной причастной формы в позиции синтаксического актанта.

Материалы и методы. Материалом статьи послужили современные словари и данные Национального корпуса русского языка. Основные методы исследования – наблюдение и анализ.

Результаты. Выявлена специфика употребления множественного числа субстантивированных причастий в неразличении родовой принадлежности исходной формы, что квалифицировано как сема «собирательности». Единичные случаи полной субстантивации причастных форм связываются авторами статьи с полной утратой глагольной семантики, а многочисленное употребление причастий в позиции синтаксических актантов свидетельствует о способности данных языковых единиц реализовать универсальную семантическую природу, включающую как глагольное, так и именное (адъективное и субстантивное) значение.

Выводы. Полные причастные формы, занимая позиции синтаксических актантов, реализуют субстантивный компонент своей семантической природы, не выходя за рамки глагольного слова.

Ключевые слова: причастие, субстантивность полного причастия, грамматический статус, семантическая структура.

I. V. Zamyatina, G. Yu. Syzranova

SUBSTANTIVIZED FORMS IN POSITION SPACE OF A PARTICIPLE: ON THE PROBLEM OF GRAMMATICAL AND SEMANTIC STATUS

Abstract.

Background. Substantivized participles generate the discussions connected with their grammatical status and semantic structure. The purpose of the work is to detect the specificity of the number semantics and realization of semantic components of a full form in a position of a syntactic actant.

Materials and methods. Modern dictionaries and data from the National Framework of the Russian Language served as the research material. The main research methods are the supervision and the analysis.

Results. The authors revealed the specificity of using plural substantivized participles with an undistinguished gender accessory of the initial form that is qualified as a “collective” seme. Isolated cases of full substantivization of participle forms are associated by the authors with a complete loss of verbal semantics, and many cases of using participles in the position of a syntactic actant are evidences of the ability of these language units to incarnate the universal semantic nature, which includes both verbal and nominal (adjective and substantive) meanings.

Conclusions. Full forms, taking positions of syntactic actants, realize a substantivized component of the semantic nature, without going beyond the verbal word.

Key words: participle, substantivity of a complete participle, grammatical status, semantic structure.

*Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.*

А. Твардовский

Причастие – уникальное образование в грамматике русского языка. Место его в языковой системе, грамматический статус, соотношение семантических составляющих, проблемы обретения статуса имени прилагательного или имени существительного – все эти вопросы образуют настоящий клубок противоречивых мнений, и эти противоречия отражаются в словарях и учебниках, как школьных, так и вузовских.

Причастие – неустойчивый элемент грамматической системы любого языка, эта неустойчивость – следствие его универсальной семантики. Универсальная семантика причастия определяет его двойственную грамматическую природу и способность занимать разные синтаксические позиции.

В системе русского причастия идут интенсивные процессы, обусловленные гибридной его категориальной сущности. Универсальная семантика причастия влияет на его морфологические свойства и способность занимать синтаксическую позицию, но мы предполагаем, что может происходить и обратный процесс – та или иная синтаксическая позиция причастной формы актуализирует грамматическую и семантическую валентность причастия и, как следствие, влияет на содержание его морфологических категорий.

В разных синтаксических позициях валентностные связи причастия реализуются неодинаково, и морфологические категории проявляются тоже неодинаково. Систему причастия наполняют формы, исторически связанные, но в процессе развития в разных формах могли усилиться именные или глагольные морфологические компоненты (например, развитие грамматической категории деепричастия), в результате чего причастные формы могли разойтись на разные полюса системы. Отдельные словоформы утрачивают глагольную валентность, в них усиливаются адъективные и субстантивные семантические составляющие, в отдельных (немногочисленных) случаях происходит распад причастных форм на омонимы.

Причастные формы обладают широким валентностным диапазоном и способны вступать в разнообразные синтагматические отношения – они могут быть управляющим словом, зависимым компонентом при согласовании, вступать в предикативные и полупредикативные отношения и сочинительную связь, а также занимать позицию зависимого компонента при управлении или грамматически независимую позицию подлежащего.

Если рассматривать все возможные позиции причастных форм в синтаксических структурах, то становится очевидным – они составляют некую сово-

купность, которая подчиняется своим внутренним закономерностям. Совокупность причастных форм с точки зрения возможных синтаксических позиций можно определить как позиционное пространство причастия [1, с. 19–27].

Позиции, в которых в полной причастной форме акцентируются именные семантические составляющие, – это позиция препозитивного согласованного определения и позиция синтаксического актанта.

Позиция препозитивного определения, первичная для имени прилагательного, акцентирует значения признаковости, и, по мнению многих исследователей, именно в этой позиции причастие в наибольшей мере подвергается адъективации, или «окачествлению». В свою очередь, способность причастной формы реализовать субстантивную семантику в позиции синтаксического актанта позволяет говорить о параллелизме процессов адъективации и субстантивации, базирующихся, на наш взгляд, на универсальном характере семантической природы причастия.

В причастных формах переплелись разные значения – именные и глагольные. На это свойство причастий обратил внимание А. А. Потебня, связав универсальность причастных форм с их происхождением. Так, в своей оригинальной концепции о происхождении частей речи учёный высказал мысль о соотношении глагола, имени и причастия. По мнению А. А. Потебни, первоначальное слово было лишено всяких формальных признаков и не являлось ни существительным, ни прилагательным, ни глаголом. Он называет такие слова «первообразными причастиями», в которых были свойства современных имён (А. А. Потебня имеет в виду единство существительного и прилагательного) и глаголов. Такое первоначальное слово было более похоже на имя, чем на глагол, но впоследствии, выделив из себя имя, стало ближе по значению к глаголу [2, с. 108].

Современное причастие – универсальная форма по своей природе, и с точки зрения семантики, и с точки зрения грамматики, поэтому любые попытки дать ему однозначную дефиницию заведомо неудачны. Развилось ли причастие из глагола, возникло вместе с ним, или глагол развился из первообразного причастия (согласно концепции А. А. Потебни) – очевидно одно: на протяжении всей истории своего развития причастие развивалось параллельно глаголу и вместе с ним. Причастие обладает полной парадигмой имени прилагательного, но его семантическая и грамматическая сущность связана с глаголом, и эта связь не исчезает, она присутствует в любой синтаксической позиции, которую способно занимать причастие.

Итак, мы предполагаем, что причастие по причине своей имманентной универсальной семантики сохраняет глагольные значения даже в синтаксических позициях, более характерных для прилагательных и существительных, – позициях препозитивных согласованных определений и синтаксических актантов.

Подтверждением мысли об универсальной природе семантики полной причастной формы служат многочисленные факты функционирования субстантивированных причастий в современном русском языке. Данное явление неоднозначно представлено в лексикографии [3].

Так, в результате анализа пяти словарей современного русского языка (Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [4] (*далее – ТСОШ*), Малый академический словарь русского языка [5] (*далее – МАС*), Новый тол-

ково-словообразовательный словарь Т. Ф. Ефремовой [6] (далее – НТС), Грамматический словарь А. А. Зализняка [7] (далее – ГС) и Словарь грамматических омонимов О. М. Ким и И. Е. Островкиной [8] (далее – СГО)) нами было выделено следующее количество субстантивированных причастий:

МАС – 13 лексем (в том числе 3 пары по грамматическому роду);

ТСОШ – 26 лексем (из них 15 имеют парные образования муж. и жен. рода, не выносимые отдельной словарной статьей);

ГС – 124 лексемы (в том числе 28 пар по грамматическому роду);

СГО – 174 лексемы в 106 рядах омонимов, включающих субстантивированные причастия (в том числе 23 пары муж. и жен. рода, 1 – все образования по роду);

НТС – 539 лексем (в том числе 196 пар по жен. и муж. роду).

В то же время круг отпричастных субстантиватов расширяется за счет представленности данных единиц в качестве одного из значений многозначного слова либо в качестве примера употребления адъектива в значении существительного:

ВХОДЯЩИЙ, -ая, -ее.

1. Прич. наст. от входить.

2. В знач. прил. Получаемый, поступающий в учреждение (о документах, корреспонденции и т.п.); противоп. исходящий. – Входящая почта. Входящая бумага.

3. В знач. сущ. **входящая**, -ей, ж. Офиц.-дел. Бумага, получаемая учреждением, поступающая в учреждение; противоп. исходящая. – Должность секретаря справляет субъект... едва отличающий входящую от исходящей. Чехов, Один из многих [5].

ВЕДОМЫЙ, -ая, -ое.

1. Прич. страд. наст. от вести.

2. В знач. прил. Такой, который следует за ведущим (во 2 знач.). Ведомый самолет. | **В знач. сущ. ведомый**, -ого, м. Ведомый шел за ним [Мересьевым] справа, вися в бескрайной небесной голубизне, над слоем облаков. Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке [5].

Таким образом, неоднозначность позиционирования отпричастных субстантивов в современных словарях выдвигает на повестку дня вопрос о возможных критериях их лексикографирования и необходимости пересмотра взгляда на грамматическую и семантическую природу полных причастных форм. На наш взгляд, широкая распространенность употребления данных единиц в позиции синтаксических актантов свидетельствует о заложенном в их семантической природе потенциале выражения субстантивности при несомненном сохранении глагольного значения.

По мнению исследователей, в случае субстантивации причастных форм их грамматическая структура видоизменяется, приобретая качества субстантивного характера: грамматический род как классифицирующий признак и формообразование по числу при конкретной семантике лексемы.

Исследователи субстантивированных причастий обращали внимание на факт функционирования некоторых лексем в качестве субстантивов *pluralia tantum*. Данная грамматическая специфика субстантиватов, по нашему мнению, связана с особенностями реализации компонентов семантической структуры причастия в позиции синтаксического актанта.

Нами были изучены с точки зрения грамматического значения субстантиваты, представленные в словарях (646 единиц). Из них было отобрано 86 единиц (13 %), представленных в словарях только в форме множественно-

го числа: *бастующие, бегущие, бывшие, верующие* и т.п. Следует отметить, что для этой группы лексем характерно представление в 1–2 словарях. Только две единицы позиционируются большинством лексикографических изданий: *окружающие* (5 словарей), *пресмыкающиеся* (5 словарей). Разница в семантике лексемы множественного и единственного числа в первом случае очевидна: личный характер субстантивата в форме множественного числа определяет различие данных лексем. Во втором случае по словарям имеются разногласия в соотношении лексем множественного и единственного числа: МАС, СГО – только в форме мн. ч., ТСОШ – начальная форма – мн. ч., но есть и форма ед. ч. (ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ, -ихся, ед. -*щеется*, -щегося, ср. Класс позвоночных животных, передвигающихся преимущественно ползком или волоча брюхо по земле (змеи, ящерицы, крокодилы, черепахи), рептилии), ГС – форма ед. ч. с возможностью образования мн. ч., НТС – две лексемы с толкованием значения единицы ед. ч. посредством определения единицы мн. ч. (*пресмыкающееся* – ср. см. *пресмыкающиеся*; мн. Класс позвоночных животных, передвигающихся преимущественно ползком, волоча брюхо по земле (змеи, ящерицы, крокодилы, черепахи и т.п.)).

Данное соотношение лексем единственного и множественного числа позволяет предположить выражение субстантиватами в форме множественного числа семантики собирательности, отсюда толкование значения возможной лексемы единственного числа через определение собирательного значения лексемы в форме множественного числа (*пресмыкающееся* – «отдельный представитель класса пресмыкающихся»). Подобное соотношение можно предположить и у субстантиватов *лазящие, прыгающие* (прыгающие, мн. Группа прямокрылых насекомых (кузнечики, сверчки и т.п.), передвигающихся скачками), хотя соотносительные лексемы в форме единственного числа нами не выявлены.

Предполагаемая нами сема собирательности у лексем в форме множественного числа обнаруживается и в других случаях, не связанных с единицами специального терминологического значения. Мы имеем в виду такие выделяемые словарями субстантиваты множественного числа, как *выздоравливающие, голодающие, желающие, избранные, присутствующие* и др. Эти лексемы с личным значением соотносятся с единицами в форме единственного числа как мужского, так и женского рода, в чем нам видится принципиальное отличие от субстантивного формообразования по числу, где форма множественного числа соотнесена с определенным морфологическим признаком рода в единственном числе. Более того, здесь форма множественного числа предполагает одновременно и ту и другую родовую лексему в форме единственного числа. Таким образом, на наш взгляд, грамматическое значение числа субстантиватов с личной семантикой имеет специфику, выражающуюся в приобретении семы собирательности формой множественного числа.

Кроме того, подобное своеобразие отмечено нами и у лексемы неличной семантики *входящие*. Так, представленная как единица в форме единственного числа женского рода в МАС и ГС, данная лексема выступает в виде парных по роду субстантиватов в СГО и НТС. Более того, параллельно в СГО дана и лексема в форме множественного числа, что, на наш взгляд, обусловлено особенностями её функционирования, так как в обычном употреблении она чаще представлена именно в форме множественного числа, причем эта форма может соотноситься как с единицами мужского рода (*входящие* – *звон-*

ки, документы), так и с формой женского и среднего рода единственного числа (*входящие – бумаги, письма, сообщения*). Выявляется тенденция своеобразной спецификации формы множественного числа субстантивата в отношении форм единственного числа. Выражается это, по нашему мнению, в указанном выше факте приобретения оттенка собирательности субстантивированным причастием в форме множественного числа.

Таким образом, анализ грамматических особенностей субстантивированных причастий, представленных в словарях, позволяет нам высказать предположение о специфике грамматического значения категории числа.

С целью анализа функционирования субстантивированных причастий в узусе (в общепринятом носителями языка употреблении) нами была предпринята попытка изучения отпричастных субстантиватов по данным Национального корпуса русского языка [9] (*далее – НКРЯ*). Данная информационно-справочная система характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов, охватывающих период от середины XVIII до начала XXI в. и включающих оригинальные произведения художественной литературы, а также другие образцы письменного языка: мемуары, эссеистика, публицистика, научно-популярная и научная литература, частная переписка, дневники, документы и т.п.

Подобно анализу грамматической категории числа у субстантивированных причастий, представленных в словарях, было проведено исследование грамматических особенностей лексем, имеющих примеры употребления в НКРЯ (126 единиц, 3418 примеров).

Примеры функционирования форм множественного числа явственно показывают правомерность их соотнесения с формой единственного числа как мужского, так и женского рода:

Все присутствующие улыбались, а некоторые даже откровенно фыркали, заранее предвкушая предстоящее им наслаждение (М. Е. Салтыков-Щедрин «Святочный рассказ», 1858).

По городу были расклеены афиши, приглашающие всех желающих (В. Ф. Ходасевич «Брюсов», 1924).

Обращает на себя внимание значительное число согласований подобных субстантиватов в форме множественного числа с определением *все*, что, на наш взгляд, соответствует предполагаемой семе собирательности данных единиц, усиливая и подчеркивая её:

Когда-то они, живя в Гаспре, поехали в Ялту, выпили много вина в магазинчике винторга, пришли в гаспринскую столовую с пением неприличной песни, переполошив персонал, насмешив всех отдыхающих (Василий Гроссман «Жизнь и судьба», ч. 2, 1960).

В обоих домах даже выработались на этот счёт свои правила: всем играющим раздавались поровну костяные жетончики определённой цены, и игра длилась до тех пор, пока все костяшки не переходили в одни руки, – тогда игра на этот вечер прекращалась, как бы партнёры ни настаивали на продолжении (А. И. Куприн «Гранатовый браслет», 1911).

Количество употреблений в форме множественного числа преобладает у субстантивированных лексем мужского рода (56 %). При этом у лексем с преобладающим употреблением в форме множественного числа количество примеров достигает 75 % общего числа употреблений субстантиватов мужского рода. Обращает на себя внимание функционирование либо только

в форме единственного числа, либо преобладание употребления данной формы у большинства субстантиватов специального, терминологического значения (*разводящий, замыкающий, ведомый, командующий* и др.).

Рассмотрено нами и соотношение форм единственного и множественного числа у субстантивированных причастий женского рода. В первую очередь, нами отмечен факт совсем небольшого количества (7 % примеров) употребления форм множественного числа, соотносимых исключительно с лексемами женского рода:

Я мало видел в цирке женщин-ведущих (И. Э. Кио «Иллюзии без иллюзий», 1995–1999).

Импортные багажники элегантны, дороги, но в качестве опоры для груза имеют лишь две направляющие, что удобно только для перевозки жёстких предметов – например, плоской «икеевской» коробки или лыж (да и то для последних желательны специальные крепления) (Навыки: Как правильно перевозить груз на крыше // Автопилот. – 2002. – 15 апреля).

Такое же количество (7 % примеров) представленных в НКРЯ как формы множественного числа субстантиватов женского рода имеет семантику родовой общности, относясь как с единицами женского, так и мужского рода:

Впервые в России независимая консалтинговая структура попытается подойти к разработке комментария к ФЗ «О рекламе», учитывая специфику рынка, понимая её немного лучше, чем государственные служащие (Постатейному комментарию быть! // Рекламный мир. – 2003. – 28 апреля).

Максимальное количество баллов (но не очень много, твёрдое «четыре») получали те учащиеся, которые поняли, что название – метафора, и автор рассказа трактует эту кость как послание, исполненное некоего морального смысла (Арапов М. Когда текст обретает смысл // Знание – сила. – 2003. – № 1).

Отмечается преобладание употребления форм единственного числа у субстантивированных причастий женского рода: только единственное число – 38 % употреблений, большое количество форм единственного числа – 52 % примеров. Из пяти лексем женского рода с преобладающим употреблением во множественном числе две (*направляющая* и *образующая*) являются непарными по роду единицами, две лексемы (*учащаяся*, *служащая*), как уже было отмечено, в форме множественного числа объединяются с единицами мужского рода (в этом случае форма множественного числа приобретает собирательный характер).

Таким образом, выявляется относительность форм множественного числа у субстантивированных причастий женского рода: лишь у непарных субстантиватов с неличной семантикой возможно констатировать определенную однозначность формообразования по числу (*образующая*, *направляющая*). Ограниченное количество субстантиватов мужского рода с личной и неличной семантикой, фактически не имеющих парных лексем женского рода, также можно однозначно охарактеризовать с точки зрения числовой парадигмы (*доверенный, шипящий, учёный, командующий* и др.). Большинство же субстантивированных причастий с личной семантикой, на практике или потенциально имеющих родовую пару, имеют специфику грамматического значения у формы множественного числа: как правило, данная форма выражает значение общности, собирательности и соотносится одновременно как с формой мужского, так и женского рода в единственном числе. Именно в данной среде субстантивированных причастий формируется подгруппа лек-

сем, имеющих тенденцию к функционированию в форме множественного числа: *играющие, входящие, присутствующие, желающие, бастующие, избранные* и т.п., – что, на наш взгляд, обусловлено выражением семы собирательности, поддерживаемой спецификой обобщенного грамматического значения формы множественного числа подобных субстантивов.

Подытоживая результаты исследования грамматической природы причастных форм в позиции синтаксических актантов, возможно сделать вывод о специфике проявления грамматического значения числа у подавляющего большинства причастий в позиции синтаксических актантов. Так, субстантиваты с личной семантикой, как правило, имеют общую для единиц мужского и женского рода форму множественного числа, тяготеющую к выражению семы собирательности. Данное значение может распространяться и на лексемы неличной семантики (например, *входящие*). На этом основании нами отмечена группа субстантиватов, имеющих тенденцию к преимущественному функционированию в форме множественного числа.

Однозначность числового формообразования присуща лишь большинству лексем неличной семантики, а также непарным образованиям личного значения, характеризующимся специальным, терминологическим употреблением (*командующий, разводящий, заряжающий, ведомый*), где характеристика по роду тесно взаимодействует с семой общности, общего рода.

Отмечая широту употребления причастных субстантиватов в позиции синтаксического актанта, исследователи, к сожалению, не соотносят данное явление с семантической природой причастия. Проявление универсальной семантической природы причастия возможно видеть в реализации синтаксических связей, свойственных выражению глагольной или именной семантики. Соотношение данных компонентов, на наш взгляд, зависит от выражения конкретных коммуникативных заданий высказывания, определяющих синтаксическую позицию причастной формы.

При анализе реализации синтаксических связей у причастных субстантиватов с преобладающим употреблением в форме множественного числа нами были выделены две лексемы – *окружающие* и *входящие*. Как уже отмечалось нами ранее, данные единицы не имеют соотносительных форм единственного числа в примерах, отобранных из НКРЯ, даже для лексемы *входящие*, позиционируемой в некоторых словарях в форме единственного числа женского рода, данных случаев употребления нами не обнаружено.

Реализация глагольной валентности для лексемы *окружающие* отсутствует. Как правило, данный субстантиват функционирует в синтаксической позиции субъекта либо объекта. Зато обращают на себя внимание, хотя и немногочисленные (5 % от общего числа употреблений данной лексемы), но закономерные, на наш взгляд, случаи согласования с местоимением *все*, а также единственный пример связи данного субстантива с определением *его*:

Он обрисовал покойного как человека, который везде и всегда благодаря своему хорошему сердцу, большому уму и честной мысли являлся центром, притягивающим к себе всех окружающих...» (К. И. Чуковский «Короленко в кругу друзей», 1940–1969);

Я себе так его представляю... он не играет... он вибрирует... он даже сам не знает, что и как он скажет... он вдумывается в свою роль, пока её говорит; напротив, все окружающие должны быть яркие, жизненны и чтобы он двигался среди этих людей, как лунатик, небрежно роняя слова, но прислушиваясь к голосам, звучащим для него

одного и где-то там, за теми, которые ему отвечают (И. Ф. Анненский «Вторая книга отражений», 1909);

Войдя в них извне и уже готовая, в виде слов, эта идея мало-помалу выжигает из их сердец всё, что ей в помеху, чтобы через самого человека стать кошмаром и наваждением для его окружающих (И. Ф. Анненский «Вторая книга отражений», 1909).

В последнем примере для нас очевиден «сдвиг» семантической составляющей в сторону предметности (ср.: *его окружающие* и *окружающие его*). Случаи же употребления с местоимением *все* соотносят семантику данной лексемы с указанной нами ранее тенденцией причастных субстантиватов в форме множественного числа к выражению значения собирательности, общности.

Таким образом, для данной единицы мы можем констатировать отсутствие реализации глагольных связей, что позволяет нам предположить наличие полной субстантивации и факт возникновения омонимов – причастия от глагола *окружать* и субстантивата *окружающие*, имеющего неполную именную парадигму, представленную формами множественного числа.

В отношении лексемы *входящие* анализ проходил, во-первых, в соответствии с различиями выражаемых значений, во-вторых – в сравнении с употреблением противопоставленного по исходной категории времени субстантивата *входившие*.

Анализируя синтаксические связи данных групп единиц, мы отметили отсутствие реализации глагольной валентности только в последней группе, а именно у субстантивов со значением «входящие бумаги, звонки и т.п.». Единственный пример, который может быть оценен как случай реализации глагольной валентности, хотя и относится к сфере публицистики, но, на наш взгляд, отражает современную тенденцию к просторечному характеру высказываний, выражающемуся в их неполноте:

Абоненты живут ожиданиями предложений, аналогичных столичным – «входящие со всех мобильных бесплатно», «500 минут бесплатно» и так далее (Мамаев Ю. Ставят новые рекорды // Дело. – 2002. – 2 июня).

Следует обратить внимание на сочетаемость лексемы *входящие* в данном значении с уже отмеченным нами местоимением *все*, а также случаи определения данного субстантивата как адъективными лексемами, так и субстантивами:

Постоянно учитывались все новые входящие: и внешние, и внутренние, в частности, и события 11 сентября в США, наши макроэкономические показатели (Чуйков А. Совет безопасности принял основы // Известия. – 2002 – 31 мая).

Вздвиг очки, Бенкендорф приступал к занятиям; они требовали куда большего интеллектуального напряжения, нежели входящие-исходящие и Третьего отделения, и штаба Отдельного корпуса жандармов, и Главной императорской квартиры, и канцелярии Собственного его величества конвоя (Юрий Давыдов «Синие тюльпаны», 1988–1989).

В данном значении у лексемы *входящие* мы можем констатировать факт полной субстантивации, факт перехода в разряд имени существительного, что подтверждается как полным отсутствием случаев реализации глагольной валентности, так и особым лексическим наполнением данного субстантивата, поддерживаемым системными лексическими отношениями (тесная связанность с субстантиватом *исходящие*).

В то же время употребление лексемы *входящие* в прямом значении представляет немало примеров (около 30 %) реализации глагольной валентности:

Входящие в собор непременно проходили бы под этой картиной-образом и кланялись бы Царю (Б. Л. Модзалевский «Дневник моей поездки в Париж и Веймар в 1908 году, по делам Пушкинского дома, к А. Ф. Онегину и П. В. Жуковскому», 1908).

Входящие туда также держали руки в карманах; но разница в том, что на лицах выходящих вместо печали видна была радость, а иные даже припрыгивали от удовольствия и весело вскрикивали (В. Т. Нарезный «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», 1814).

Входящие в него не озираются беспрестанно, стен самих ужасаясь, ниже трепещущия стопы сомнительно простирают, но предваряющему их веселию едва в след успевая, в священные Ея чертоги светлым лицом шествуют (М. В. Ломоносов «Слово похвальное Ея величеству Государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, говоренное ноября 26 дня 1749 года», 1749).

Имеются и случаи согласования с местоимением *все*:

Мы стоим, одетые матросами, с винтовками, как перед Смольным, у входа в театр – вместо контролеров, и все входящие накалывают свои билеты нам на штыки (Александр Городницкий «И жить еще надежде», 2001).

Из разреза торчал кончик синего картонного билетика. Все входящие дергали за такой кончик. Дернули и мы (Илья Ильф, Евгений Петров «Одноэтажная Америка», 1936).

Все входящие сюда разделялись на три неравные части (Семен Данилюк «Рублевая зона», 2004).

Примечателен тот факт, что в переносном значении (12 % употреблений) данный субстантиват реализует во всех случаях глагольную валентность:

...Хотя входящие в комиссию совершенно точно знают, что полный... Без улыбки вспоминать невозможно: это был грандиозный ГОН (Аниме-Форум «Школа или универ: где легче?», 2006);

Без излишней скромности группа наименовала будущий театр Блестящим Театром, а все входящие в него назвали себя «Дети Семьи», из чего можно заключить, что между новыми служителями муз царствовало то самое согласие, благодаря которому, по мнению Аристотеля, держится вся вселенная (М. А. Булгаков «Жизнь господина де Мольера», 1932–1933).

Последний пример демонстрирует возможность данного субстантивата реализовать одновременно глагольные и субстантивные синтаксические связи (*входящие в него* и *все входящие*).

Таким образом, анализ употреблений причастного субстантивата *входящие* в прямом и переносном значениях позволяет нам говорить как о частичном «сдвиге» в сторону предметности значения, так и о сохранении глагольной семантики, реализуемой в глагольных синтаксических связях. Данная «глагольность» причастного субстантивата, на наш взгляд, хорошо выявляется при сравнении с употреблением противопоставленного по исходной категории времени субстантивата *входившие*.

подавляющее большинство примеров представляет реализацию глагольной валентности:

Фигуры эти были выполнены настолько правдоподобно, что выглядели живыми, и входившие в гостиную впервые часто здоровались с ними, к общему смеху присутствующих (Артем Тарасов «Миллионер», 2004).

Естественно, что входившие в класс сразу обращали внимание на меня (К. С. Станиславский «Моя жизнь в искусстве», 1925–1928).

Так же как и у субстантивата *входящие*, мы обнаруживаем случаи одновременной реализации глагольных и субстантивных синтаксических связей:

Пышный красный занавес разделял её на две половины: все входившие в неё били челом, и никто не смел оборачиваться задом (О. И. Сенковский «Антар», 1833).

В целом данное сравнение употребления субстантиватов *входящие* и *входившие* позволяет нам сделать предположение об определенном тождестве в функционировании представленной в словарях лексемы *входящие* и не позиционируемой по словарям в качестве субстантивата лексемы *входившие*. По нашему мнению, две формы действительного причастия входят в парадигму одной глагольной лексемы и могут в равной степени реализовать субстантивный компонент семантики причастной формы. На наш взгляд, лексикографированию в качестве субстантива подлежит лишь лексема *входящие* в значении «входящие бумаги, звонки и т.п.», перешедшая в разряд имен существительных и характеризующаяся, возможно, неполной именной парадигмой (употребления форм единственного числа нами не зафиксировано).

Следовательно, возможно предположить тенденцию к сдвигу в сторону выражения субстантивной семантики у субстантиватов, имеющих преобладающее употребление в форме множественного числа. Закономерным итогом данного «сдвига» выступают подвергшиеся полной субстантивации лексемы *окружающие* и *входящие* (в значении «звонки, бумаги, письма»), утратившие способность к реализации глагольных синтаксических связей. В то же время основная группа субстантиватов, употребляющихся преимущественно в форме множественного числа, способна сохранять универсальную семантическую природу, реализуя как глагольные, так и субстантивные синтаксические связи в позиции синтаксических актантов.

Опираясь на результаты анализа грамматического и семантического статуса субстантивированных причастий в форме множественного числа, мы можем аргументировать сделанные выводы оценкой их употребления в приведённом отрывке из поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин».

Все представленные формы возможно соотнести в числовом отношении как с формой мужского, так и женского рода в единственном числе: нет никаких оснований говорить об однозначности формообразования в данном отношении (*павшие – павший и павшая, отступавшие – отступавший и отступавшая* и т.д.). Грамматическое значение числа в контексте родовой принадлежности соотносится с семантикой общности, собирательности, что может быть поддержано возможностью согласования с определением *все (всех павших, всех без вести пропавших* и т.п.).

Реализация глагольной валентности присутствует у большинства субстантивированных причастных форм данного текста: *с нами отступавших, воевавших год иль час, без вести пропавших, вновь встречающих, нам воды подавших, помолвившихся за нас*. Тем самым, на наш взгляд, выражается актуализация глагольного компонента семантической структуры субстантивата в рассматриваемом контексте: указание на «лицо» осуществляется посредством его характеристики через действие. Глагольная сема является консолидирующим ядром, удерживающим данные формы в рамках глагольной лексемы.

Кроме того, важной деталью как в грамматическом, так и семантическом отношении является временная составляющая данных причастных форм: признаковая характеристика лица по действию в прошлом явно прослеживается в данном контексте, соотнося эти формы с категорией времени предикатива (*вспомним*), а также включая их в систему глагольной парадигмы.

Таким образом, полные причастные формы, занимая позиции синтаксических актантов, реализуют субстантивный компонент своей семантической природы, не выходя за рамки глагольного слова. Единичные случаи перехода в разряд субстантивов причастных форм типа *окружающие*, *входящие* либо утрачивают глагольное значение, либо, при формальном сохранении глагольной валентности (*командующий армией*, *заведующий кафедрой*), значение процессуальности замещается приращением семы терминологического характера.

Список литературы

1. **Замятина, И. В.** Грамматика русского причастия / И. В. Замятина. – Пенза : ПГПУ, 2009. – 264 с.
2. **Потебня, А. А.** Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня ; под ред. В. И. Борковского. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3. – 670 с.
3. **Сызранова, Г. Ю.** Субстантивированные причастные формы и проблема их лексикографирования / Г. Ю. Сызранова // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 4 (22). – С. 325–327.
4. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2004. – 944 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. (Малый академический словарь русского языка, МАС) / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – 1999. – Т. 1. А–Й. – 702 с.
6. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Дрофа ; Русский язык, 2000. – 1088 с.
7. **Зализняк, А. А.** Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. – Изд. 3-е. – М. : Русский язык, 1987. – 880 с.
8. **Ким, О. М.** Словарь грамматических омонимов русского языка / О. М. Ким, И. Е. Островкина. – М. : Астрель ; АСТ ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 842 с.
9. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 25.06.14).

References

1. Zamyatina I. V. *Grammatika russkogo prichastiya* [Grammar of the Russian participle]. Penza: PGPU, 2009, 264 p.
2. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From the notes on the Russian grammar]. Moscow: Prosveshchenie, 1968, vol. 3, 670 p.
3. Syzranova G. Yu. *Vektor nauki TGU* [Scientific vector of TSU]. 2012, no. 4 (22), pp. 325–327.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Russian language explanatory dictionary]. Moscow: ITI Tekhnologii, 2004, 944 p.
5. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. (Malyy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka, MAS)* [Russian language dictionary: in 4 volumes (Brief academic dictionary of the Russian language, MAS)]. Ed. by A. P. Evgen'eva. 1999, vol. 1, A–Y, 702 p.
6. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Russian language dictionary. Explanatory and word-forming]. Moscow: Drofa ; Russkiy yazyk, 2000, 1088 p.
7. Zaliznyak A. A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. Moscow: Russkiy yazyk, 1987, 880 p.

8. Kim O. M., Ostrovkina I. E. *Slovar' grammaticheskikh omonimov russkogo yazyka* [Russian language grammatical homonyms dictionary]. Moscow: Astrel'; AST; ZAO NPP «Ermak», 2004, 842 p.
9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed June 25, 2014).

Замятина Ирина Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и методики
его преподавания в начальных классах,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: zamyat-irina@yandex.ru

Zamyatina Irina Viktorovna

Doctor of philological sciences, professor,
sub-department of Russian language
and Russian language teaching technique
at primary school, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Сызранова Галина Юрьевна

доцент, кафедра русского языка
и литературы, Тольяттинский
государственный университет
(Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14)

E-mail: optima.60@mail.ru

Syzranova Galina Yur'evna

Associate professor, sub-department
of Russian language and literature,
Togliatti State University
(14 Belorusskaya street, Togliatti, Russia)

УДК 811.163.1

Замятина, И. В.

Субстантивированные формы в позиционном пространстве причастия: к проблеме грамматического и семантического статуса / И. В. Замятина, Г. Ю. Сызранова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 126–138.